

**Жалоба № 64196/17**

**В ЕВРОПЕЙСКИЙ СУД ПО ПРАВАМ ЧЕЛОВЕКА**

**МАНДРИГЕЛЯ против РОССИИ**

---

**ЗАМЕЧАНИЯ ВЛАСТЕЙ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ ПО  
ВОПРОСУ ПРИЕМЛЕМОСТИ И ПО СУЩЕСТВУ ЖАЛОБЫ**

---

Москва

17 сентября 2018 г.

## **Оглавление**

<b>I. Введение .....</b>	<b>3</b>
<b>II. Факты .....</b>	<b>6</b>
<b>III. Право .....</b>	<b>8</b>
<i>О неприемлемости жалобы по ст. 35 § 1 Конвенции в связи с неисчерпанием всех эффективных внутренних средств правовой защиты .....</i>	<i>8</i>
<i>Доводы относительно отсутствия нарушения ст. 10 Конвенции в деле Мандригеля А.Н. ....</i>	<i>10</i>
<i>Вмешательство в право заявителя на свободу выражения мнения было предусмотрено законом.....</i>	<i>10</i>
<i>Правоприменительная практика российских судов по делам об административном правонарушении, предусмотренном ч. 1 ст. 20.3 КоАП РФ в редакции, действующей с 16 ноября 2014 г. ....</i>	<i>22</i>
<i>Вмешательство в право заявителя на свободу выражения мнения преследовало законную цель и было «необходимо в демократическом обществе» .....</i>	<i>25</i>
<i>Право Мандригеля А.Н., гарантированное ст. 6 §§ 1 и 3 Конвенции, не было нарушено в настоящем деле.....</i>	<i>34</i>
<i>Доводы об отсутствии в настоящем деле нарушения ст. 2 Протокола № 7 к Конвенции.....</i>	<i>37</i>
<b>IV. Заключение .....</b>	<b>40</b>

## I. Введение

Европейский Суд по правам человека 23 мая 2018 г. уведомил власти Российской Федерации о рассмотрении жалобы № 64196/17 *Мандригеля против России* (группа жалоб № 56317/16 *Касимов против России и 10 других жалоб*), поданной в порядке ст. 34 Конвенции о защите прав человека и основных свобод.

Европейский Суд в соответствии с Правилом 54 § 2 (b) Регламента предложил властям Российской Федерации представить свои замечания и ответить на следующие вопросы:

1. Имело ли место «вмешательство» по ст. 10 Конвенции – а именно, относительно свободы заявителя придерживаться своего мнения и/или получать и распространять информацию и идеи – в связи с (i) его привлечением к ответственности и назначением наказания в виде административного ареста, и (ii) иными обстоятельствами, на которые ссылается заявитель?

Если да:

2. Было ли «вмешательство» «предусмотрено законом»?

В частности:

(а) Что касается публикаций, репостов и лайков, сделанных (доступными общественности) до ноября 2014 года, когда изменения ст. 20.3 КоАП РФ вступили в силу, было ли российскими судами, вплоть до ноября 2014 года, дано последовательное толкование фразы «пропаганда и публичное демонстрирование» нацизма или публикаций, схожих с ним, требующее представления доказательств факта или цели его пропаганды/оправдания?

(б) относительно ситуации, сложившейся после ноября 2014 года, было ли предсказуемым то, что:

- указанное правонарушение более не требовало доказывания наличия элемента «пропаганды» в действиях лица его совершившего, лишь «публичного демонстрирования» запрещенного материала стало достаточным;

- правонарушение было установлено ссылкой не на КоАП РФ, а на иное законодательство, а именно пп. 3-5 ч. 6 Федерального закона от 19 мая 1995 г. № 80-ФЗ «Об увековечении Победы советского народа в

Великой Отечественной войне 1941-1945 годов» с изменениями, внесенными в ноябре 2014 года, и ч. 1(1) Федерального закона от 25 июля 2002 г. № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности»;

- правонарушение, как было истолковано выше, состояло из действий, совершенных до ноября 2014 года; данные действия рассматривались как длящееся правонарушение (для сравнения см. п. 6.1 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации с изменениями от ноября 2016 года); в связи с этим, установленный законом срок привлечения к административной ответственности не препятствует привлечению к административной ответственности?

2.2. Какую законную цель по смыслу ст. 10 § 2 Конвенции преследовали:

(а) административный арест заявителя;  
 (б) привлечение заявителя к ответственности и назначение ему наказания в виде административного ареста по ст. 20.3 КоАП РФ во взаимосвязи с Федеральным законом от 19 мая 1995 г. № 80-ФЗ «Об увековечении Победы советского народа в Великой Отечественной войне 1941-1945 годов» (в том числе, его преамбулой)? В частности, преследовало ли вмешательство цель предотвращения общественных беспорядков (т.е. ситуаций восстания, бунта или иных форм общественных беспорядков: см. *Perinçek v. Switzerland* [GC], № 27510/08, §§ 146-151 *in fine*, постановление от 15 октября 2015 г., и *Novikova and Others v. Russia*, №№ 25501/07 и 4 других, § 136, постановление от 26 апреля 2016 г.)?

2.3. Было ли вмешательство «необходимо в демократическом обществе» (для сравнения см. *Nix v. Germany*, № 35285/16, решение от 13 марта 2018 г.)? В частности:

(а) Сделала ли применимая законодательная база незначительным для целей ст. 20.3 КоАП РФ принятие во внимание контекста или действительной цели публичного демонстрирования/распространения спорных материалов?  
 (б) Если нет, привели ли суды соответствующие и достаточные основания для установления наличия «вмешательства» и его оправдания и основывались ли они на приемлемой оценке фактов и применимых принципов, относящихся к ст. 10 Конвенции, также учитывая требования,

предусмотренные постановлением Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27 июня 2013 г. № 21 (см. *Lashmankin and Others v. Russia*, №№ 57818/09 и 14 других, § 359, постановление от 7 февраля 2017 г.)?

3. Была ли нарушена ст. 6 §§ 1 и 3 Конвенции в связи с тем, что заявитель фактически не смог воспользоваться своим правом на юридическую помощь по своему выбору, поскольку его представителю поздно направили уведомление о проведении слушания дела заявителя в суде апелляционной инстанции; заявителю не обеспечили явку в судебное заседание апелляционного суда из отдела полиции, заявитель не мог защищать свои интересы и дать указания защитнику, назначенному судом апелляционной инстанции, как и оспорить его назначение?

4. Была ли нарушена ст. 2 Протокола № 7 к Конвенции в связи с отсутствием приостанавливающего эффекта обжалования решения суда о привлечении заявителя к административной ответственности в отношении его немедленного исполнения?

## **II. Факты**

1. 24 октября 2016 г. в ходе мониторинга сети «Интернет» сотрудниками ЦПЭ Главного Управления МВД России по Краснодарскому краю был выявлен факт демонстрации на странице «Алексей Мандригеля» в социальной сети «ВКонтакте» (<http://vk.com/id59089646>) нацистской символики – свастики, являющейся фоном фотоколлажа с Президентом Российской Федерации Путиным В.В.
2. По результатам оперативно-розыскных мероприятий было установлено, что профиль «Алексей Мандригеля» принадлежит Мандригеля А.Н. Данный факт был зарегистрирован в книге учета сообщений о происшествиях ГУ МВД России по Краснодарскому краю за № 20737.
3. 14 ноября 2016 г. материал указанной проверки был направлен прокурору Прикубанского административного округа г. Краснодара для принятия соответствующего решения.
4. Постановлением заместителя прокурора Прикубанского административного округа г. Краснодара от 12 декабря 2016 г. в отношении Мандригеля А.Н. было возбуждено дело об административном правонарушении, предусмотренном ч. 1 ст. 20.3<sup>1</sup> Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях (далее – КоАП РФ).
5. Постановлением судьи Прикубанского районного суда г. Краснодара от 9 марта 2017 г. Мандригеля А.Н. был признан виновным в совершении административного правонарушения, предусмотренного ч. 1 ст. 20.3 КоАП РФ; ему было назначено административное наказание в виде административного ареста сроком на 10 суток, который постановлено исчислять с момента административного задержания заявителя.
6. Решением судьи Краснодарского краевого суда от 15 марта 2017 г. вышеуказанное постановление судьи Прикубанского районного суда г. Краснодара было оставлено без изменения, жалоба адвоката заявителя Беньяш М.М. - без удовлетворения.

---

<sup>1</sup> Пропаганда либо публичное демонстрирование нацистской атрибутики или символики, сходных с нацистской атрибутикой или символикой до степени смешения, либо атрибутики или символики других экстремистских организаций, либо иных атрибутики или символики, пропаганда или публичное демонстрирование которых запрещено федеральными законами.

7. В настоящее время материалы дела об административном правонарушении, предусмотренном ч. 1 ст. 20.3 КоАП РФ, в отношении Мандригеля А.Н. были истребованы из Прикубанского районного суда г. Краснодара по запросу судьи Краснодарского краевого суда от 4 июля 2018 г.

### **III. Право**

***О неприемлемости жалобы по ст. 35 § 1 Конвенции в связи с неисчерпанием всех эффективных внутренних средств правовой защиты.***

8. Анализ норм главы 30 КоАП РФ, регламентирующих порядок, пределы и сроки рассмотрения жалоб (протестов) на вступившие в законную силу постановление по делу об административном правонарушении, решения по результатам рассмотрения жалоб (ст.ст. 30.12-30.19 КоАП РФ), дает основания полагать, что данная процедура может рассматриваться в качестве эффективного средства правовой защиты по смыслу ст. 35 § 1 Конвенции.

9. Поскольку ходатайств об отмене постановления Прикубанского районного суда г. Краснодара от 9 марта 2017 г. и решения судьи Краснодарского краевого суда от 15 марта 2017 г. от Мандригели А.Н. не поступало, власти Российской Федерации полагают, что заявитель не исчерпал все внутренние эффективные средства правовой защиты перед обращением в суд международной инстанции.

10. Кроме того, российская судебная практика указывает на то, что в случае обжалования указанных выше судебных постановлений Мандригеля А.Н. мог восстановить свои права на национальном уровне.

11. Так, судья Верховного Суда Российской Федерации, рассмотрев жалобу У.К.В. на постановление судьи Кунцевского районного суда г. Москвы от 14 июля 2016 г., решение судьи Московского городского суда от 6 октября 2016 г. и постановление заместителя председателя Московского городского суда от 13 января 2017 г., вынесенные в отношении У.К.В. по делу об административном правонарушении, предусмотренном ч. 1 ст. 20.3 КоАП РФ, пришел к выводу об отсутствии объективной стороны вменяемого правонарушения в действиях лица, привлекаемого к административной ответственности.

12. Из приобщенных в материалы дела копии скриншота страницы в информационно-телекоммуникационной сети Интернет и справки об исследовании, проведенном экспертами автономной некоммерческой

организации по развитию социокультурной деятельности «Центр социокультурных экспертиз» на основании запроса начальника ОМВД России по району Кунцево г. Москвы, следовало, что в размещенном У.К.В. объявлении на изображении жетона (медали) свастика на реверсе была закрыта белым квадратом, а само объявление содержало пояснительный текст, согласно которому «предлагаемый лот не предназначен для пропаганды идей нацизма и может использоваться только в научно-исторических и художественных целях. Основной символ заретуширован».

13. Изложенное позволило поставить под сомнение вывод сотрудников полиции и судебных инстанций о том, что У.К.В. осуществлялось публичное демонстрирование нацистской атрибутики или символики, учитывая при этом, что привлекаемым к административной ответственности лицом и его защитником эти выводы сотрудников полиции и судебных инстанций отрицались, напротив, указывалось на то, что ретуширование основного символа на изображении предмета, предлагаемого к продаже, сопровождаемое вышеприведенной предупредительной надписью в тексте объявления, свидетельствует о предпринятых У.К.В. мерах по недопущению публичной демонстрации нацистской символики как оскорбляющей многонациональный народ России и память о понесенных в Великой Отечественной войне жертвах.

14. При таких обстоятельствах Верховный Суд Российской Федерации посчитал, что факт публичной демонстрации У.В.К. нацистской атрибутики или символики в рассматриваемом случае не подтверждается собранными по делу доказательствами. Постановление судьи Кунцевского районного суда г. Москвы от 14 июля 2016 г., решение судьи Московского городского суда от 6 октября 2016 г. и постановление заместителя председателя Московского городского суда от 13 января 2017 г., вынесенные в отношении У.К.В. по делу об административном правонарушении, предусмотренном ч. 1 ст. 20.3 КоАП РФ были отменены, производство по делу об административном правонарушении прекращено в связи с недоказанностью обстоятельств, на основании которых были вынесены обжалуемые судебные постановления.

15. В деле *Vajnai v. Hungary (II)*<sup>2</sup> заявитель был привлечен к уголовной ответственности с назначением наказания в виде штрафа в размере 120 000 форинтов (примерно 430 евро) за то, что он появился на нескольких публичных мероприятиях с тоталитарным символом – красной пятиконечной звездой и логотипом «серп и молот». Рассматривая жалобу заявителя на предполагаемое нарушение ст. 10 Конвенции, Суд отметил, что у заявителя имелась возможность воспользоваться эффективным средством внутренней правовой защиты, а именно – обратиться в Верховный Суд Венгрии. Так как заявитель с заявлением об обжаловании вынесенного в его отношении приговора в указанный суд не обращался, Европейский Суд пришел к выводу о неприемлемости жалобы по ст. 34 §§ 1 и 4 Конвенции. Аналогичное решение было принято Судом по делу *Sándor Tibor Horváth v. Hungary*<sup>3</sup>.

16. Следовательно, Мандригеля А.Н. не были исчерпаны все эффективные средства правовой защиты, предусмотренные национальным законодательством, для защиты своих прав в связи с его привлечением к административной ответственности по ч. 1 ст. 20.3 КоАП РФ. В связи с изложенным выше, жалоба Мандригеля А.Н. подлежит отклонению на основании ст. 35 § 1 Конвенции.

***Доводы относительно отсутствия нарушения ст. 10 Конвенции в деле Мандригеля А.Н.***

*Вмешательство в право заявителя на свободу выражения мнения было предусмотрено законом*

17. По мнению Европейского Суда, из выражения «предусмотрены законом» вытекают следующие два требования. Во-первых, право должно быть в адекватной мере доступным: граждане должны иметь соответствующую обстоятельствам возможность ориентироваться в том, какие правовые нормы применяются к данному случаю. Во-вторых, норма не может считаться «законом», пока она не будет сформулирована с достаточной степенью точности, позволяющей гражданину сообразовывать

---

<sup>2</sup> *Vajnai v. Hungary (II)*, no. 44438/08, decision of 18 January 2011.

<sup>3</sup> *Sándor Tibor Horváth v. Hungary*, no. 44073/08, decision of 18 January 2011.

с ней свое поведение: он должен иметь возможность, пользуясь при необходимости советами, предвидеть в разумной степени применительно к обстоятельствам степень, последствия, которые может повлечь за собой то или иное действие (см., например, *Rekvenyi v. Hungary*<sup>4</sup>).

18. В соответствии со ст. 10 Конвенции о защите прав человека и основных свобод, каждый имеет право свободно выражать свое мнение. Это право включает свободу придерживаться своего мнения и свободу получать и распространять информацию и идеи без какого-либо вмешательства со стороны публичных властей и независимо от государственных границ.

19. Осуществление этих свобод, налагающее обязанности и ответственность, может быть сопряжено с определенными формальностями, условиями, ограничениями или санкциями, которые предусмотрены законом и необходимы в демократическом обществе в интересах национальной безопасности, территориальной целостности или общественного порядка, в целях предотвращения беспорядков или преступлений, для охраны здоровья и нравственности, защиты репутации или прав других лиц, предотвращения разглашения информации, полученной конфиденциально, или обеспечения авторитета и беспристрастности правосудия.

20. Таким образом, статьей 10 Конвенции не только гарантировано право на выражение мнения, но и закреплено правило, согласно которому данное право не является абсолютным: осуществление права на выражение мнения может ограничиваться в тех случаях, когда это необходимо, в частности, для обеспечения общественного порядка, а также в целях предотвращения беспорядков и преступлений. Следовательно, если реализация права на выражение мнения одним лицом привела к созданию угрозы общественному порядку, создаются предпосылки для возложения на это лицо санкций административного или уголовного характера.

21. Власти Российской Федерации полагают, что вмешательство в право заявителя, гарантированное ст. 10 Конвенции, было осуществлено в соответствии с законом, преследовало законную цель и было пропорциональным и «необходимым в демократическом обществе».

---

<sup>4</sup> *Rekvenyi v. Hungary* [GC], no. 25390/94, § 34, 20 May 1999.

22. Ч. 1 ст. 20.3 КоАП РФ в редакции Федерального закона от 4 ноября 2014 г. № 332-ФЗ, действующей с 16 ноября 2014 г., предусматривает административную ответственность за пропаганду либо публичное демонстрирование нацистской атрибутики или символики, либо атрибутики или символики, сходных с нацистской атрибутикой или символикой до степени смешения, либо атрибутики или символики экстремистских организаций, либо иных атрибутики или символики, пропаганда либо публичное демонстрирование которых запрещены федеральными законами.
23. Ранее действовавшая редакция указанной нормы (в редакциях Федерального закона от 25 июля 2002 г. № 112-ФЗ, Федерального закона от 25 декабря 2012 г. № 255-ФЗ) предусматривала административную ответственность за пропаганду и публичное демонстрирование нацистской атрибутики или символики либо атрибутики или символики, сходных с нацистской атрибутикой или символикой до степени смешения, либо публичное демонстрирование атрибутики или символики экстремистских организаций.
24. Такая формулировка диспозиции нормы предполагала, что действия, выразившиеся в демонстрировании нацистской атрибутики и символики (либо атрибутики или символики, сходных с нацистской атрибутикой или символикой до степени смешения), могли быть квалифицированы как административные правонарушения, лишь в случаях, если они были направлены на пропаганду такой атрибутики и символики.
25. Как следует из судебной практики, до внесения соответствующих изменений в ст. 20.3 КоАП РФ российские суды осуществляли последовательное толкование фразы «пропаганда и публичное демонстрирование» нацизма или публикаций, схожих с ним, а также учитывали, что пропаганда при демонстрировании нацистской атрибутики или символики, либо иной запрещенной федеральным законом атрибутики или символики, является обязательным элементом указанного состава административного правонарушения.
26. Так, в постановлении от 24 мая 2013 г. судья Нерехтского районного суда указал, что пропаганда подразумевает под собой деятельность,

направленную на распространение каких-либо идей, информации – в данном случае на распространение нацистской символики и атрибутики. Распространение, в свою очередь, подразумевает деятельность, направленную на получение информации неопределенным кругом лиц или передачу информации неопределенному кругу лиц (постановление Нерехтского районного суда Костромской области от 24 мая 2013 г. прилагается).

27. Согласно анализу ч. 1 ст. 20.3 КоАП РФ, содержащемуся в постановлении Асбестовского городского суда Свердловской области, объективную сторону данного административного правонарушения могут образовывать публичное выставление, показ, вывешивание, изображение нацистских атрибутиki или символики, атрибутиki и символики, сходных с ними до степени смешения, а также любые другие действия, делающие рассматриваемые атрибутику и символику доступными для восприятия других лиц, в том числе путем публикации в средствах массовой информации (постановление Асбестовского городского суда Свердловской области от 7 июля 2014 г. прилагается).

28. Как указал Удомельский городской суд Тверской области в постановлении от 30 апреля 2014 г. под пропагандой понимается распространение взглядов, фактов, аргументов и других сведений, в том числе слухов и заведомо ложных данных, для формирования общественного мнения. Под пропагандой и публичной демонстрацией нацистской атрибутики либо символики, по убеждению суда, необходимо понимать распространение информации, направленное на формирование в сознании людей нацистской идеологии (указанное постановление прилагается).

29. При этом необходимо отметить то, что после принятия изменений в КоАП РФ после ноября 2014 года российские суды также давали оценку и толкование термину «демонстрирования нацистской символики или атрибутиki».

30. В постановлении судьи Новичихинского районного суда Алтайского края от 15 августа 2017 г. по делу о привлечении К.А.В. к административной ответственности по ч. 1 ст. 20.3 КоАП РФ суд указал, что под демонстрацией нацистской символики и атрибутики понимается ее

публичное выставление, вывешивание, изображение, воспроизведение на страницах печатных изданий или в фото-, кино- и видеоматериалах и другие действия, делающие ее восприятие доступным.

31. Новая редакция ч. 1 ст. 20.3 КоАП РФ устанавливает административную ответственность как за пропаганду, так и за публичное демонстрирование нацистской атрибутики и символики (либо атрибутики или символики, сходных с нацистской атрибутикой или символикой до степени смешения), независимо от целей ее демонстрирования (например, оправдание либо героизация нацизма, фетишизация его символики, создание привлекательного имиджа свастических символов), в том числе и без целей её пропаганды (то есть без разъяснения взглядов и идей в отношении нацизма, без агитации в поддержку данных взглядов, идей и учений).

32. Вопреки доводам Мандригеля А.Н. о том, что он не мог предвидеть, что размещение им изображений нацистской символики без цели пропаганды повлечет его привлечение к административной ответственности, власти Российской Федерации отмечают, что формулировка диспозиции ч. 1 ст. 20.3 КоАП РФ ясна и понятна для восприятия всем гражданам, владеющим русским языком, правовая норма не вызывает сложностей в ее толковании, в том числе лицами, не обладающими познаниями в области юриспруденции и не знакомыми с юридической техникой. Запрет на совершение действий по публичной демонстрации нацистской атрибутики и символики либо атрибутики или символики, сходных с нацистской атрибутикой или символикой до степени смешения, не требует установления дополнительных обстоятельств.

33. Представляется, что при указанных условиях рассмотрение действий заявителя на предмет их соответствия требованиям национального законодательства и их квалификация как административного правонарушения, не требовали установления и доказывания наличия в них элемента «пропаганды», а также умысла заявителя на их совершение именно с целью «пропаганды». В данном случае привлечение Мандригеля А.Н. к административной ответственности за публичное демонстрирование им материала с содержанием, запрещенным национальным законодательством

– нацистской атрибутике и символики, является предсказуемым применением соответствующего законодательства Российской Федерации.

34. При вынесении решений и признании заявителя виновным в совершении административного правонарушения, предусмотренного ч. 1 ст. 20.3 КоАП РФ, судьи обоснованно и правомерно применили положения Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях, а также ссылались на положения ст. 6 Федерального закона от 19 мая 1995 г. № 80-ФЗ «Об увековечении Победы советского народа в Великой Отечественной войне 1941 - 1945 годов» (далее – Федеральный закон № 80-ФЗ) и ст. 1 Федерального закона от 25 июля 2002 г. № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности» (далее – Федеральный закон № 114-ФЗ), также устанавливающих запрет на использование, пропаганду и публичное демонстрирование нацистской символики.

35. Ст. 6 Федерального закона № 80-ФЗ устанавливает запрет на использование в любой форме нацистской символики, включая демонстрирование такой символики как оскорбляющей многонациональный народ и память о понесенных в Великой Отечественной войне жертвах.

36. Федеральный закон № 114-ФЗ в качестве одного из видов экстремистской деятельности определяет пропаганду и публичное демонстрирование нацистской атрибутики или символики, либо атрибутики или символики, сходных с нацистской атрибутикой или символикой.

37. Ч. 1 ст. 20.3 КоАП РФ в действующей редакции содержит бланкетную норму, касающуюся отнесения символики и атрибутики к категории запрещенных, которая отсылает правоприменителя к законодательству, регулирующему правоотношения в области борьбы с проявлениями фашизма, устанавливающему меры по предотвращению создания и деятельности фашистских организаций в Российской Федерации. Именно в целях правильной квалификации действий лиц, подпадающих под действие установленных в данной сфере запретов, в целях полного, всестороннего и объективного выяснения обстоятельств по делу, судьями при рассмотрении дела учитывались не только положения Кодекса об административных правонарушениях, непосредственно устанавливающего

административную ответственность за нарушение запретов, но и положения законов, которые эти запреты определяют.

38. При этом, как следует из материалов дела, при вынесении постановления о возбуждении дела об административном правонарушении в отношении заявителя его действия были квалифицированы по ч. 1 ст. 20.3 КоАП РФ. То есть Мандригеля А.Н. с момента возбуждения в отношении него дела об административном правонарушении знал в чем он обвиняется, был осведомлен о характере и основании предъявленного ему обвинения, объем этого обвинения не менялся и заявитель не был ограничен в праве возражать на предъявленное ему обвинение. Обвинений в осуществлении экстремистской деятельности и в нарушении каких-либо положений Федерального закона № 114-ФЗ заявителю национальными властями не предъявлялось. Ссылки на положения ст. 1 указанного закона, а также на ст. 6 Федерального закона № 80-ФЗ в решениях судов первой и апелляционной инстанций носят информативный характер и не влияют на квалификацию действий заявителя, не ограничивают его права на свободу выражать свое мнение.

39. Несмотря на то, что спорный фотоколлаж был впоследствии удален заявителем с его страницы в социальной сети «ВКонтакте», сам по себе факт того, что данное изображение находилось ранее в свободном доступе, не исключало для заявителя необходимости действовать в соответствии с установленными национальным законодательством правилами и запретами. Последующее удаление спорного изображения после возбуждения прокурором дела об административном правонарушении не освобождало заявителя от административной ответственности и не свидетельствовало о наличии условий для его освобождения от административного наказания с учетом того, что с даты размещения спорного фотоколлажа с целью его публичной демонстрации неопределенному числу лиц до даты его удаления заявителем прошло около одного года.

40. Доводы Мандригеля А.Н. о том, что при публикации спорного изображения в сети Интернет он не преследовал целей пропаганды и оправдания фашизма и/или нацизма, являются несостоятельными, поскольку действия заявителя, выразившиеся в публичной демонстрации нацистской

символики и атрибутики, сами по себе образуют состав административного правонарушения, предусмотренного ч. 1 ст. 20.3 КоАП РФ.

41. Обсуждение вопроса о наличии в действиях Мандригеля А.Н. также пропаганды нацистской символики выходило за рамки предмета доказывания по делу в отношении заявителя, в связи с тем, что обвинение, предъявленное ему прокурором, не содержало указания на наличие, помимо публичной демонстрации, также признаков пропаганды нацистской символики.

42. С учетом конструкции нормы, предусматривающей административную ответственность – ч. 1 ст. 20.3 КоАП РФ, следует признать, что мотивы, по которым заявитель разместил в публичном доступе спорные изображения, для квалификации его действий значения не имеют.

43. Из материалов дела следует, в ходе проверки соблюдения законодательства в сфере противодействия экстремистской деятельности, проведенной ГУВД по Краснодарскому краю 24 октября 2016 г., было установлено, что Мандригеля А.Н. разместил в сети Интернет в социальной сети «ВКонтакте» в свободном доступе изображения с элементами символики нацистской Германии времен Великой Отечественной Войны (свастики).

44. Вина Мандригеля А.Н. в совершении административного правонарушения, предусмотренного ч. 1 ст. 20.3 КоАП РФ, подтверждается следующими доказательствами: актом оперативного розыскного мероприятия «Исследование предметов и документов» от 24 октября 2016 г. с приложением распечатанных снимков экрана (скриншот); протоколом опроса Мандригеля А.Н. от 11 ноября 2016 г.; сообщением БСТМ ГУ МВД России по Краснодарскому краю от 12 апреля 2016 г.; а также показаниями свидетелей Манютина Д.О. и Разинькова А.С.

45. Следовательно, российские суды, привлекая Мандригеля А.Н. к административной ответственности по ч. 1 ст. 20.3 КоАП РФ, привели соответствующие и достаточные основания для установления наличия «вмешательства» и его оправдания и основывались на приемлемой оценке фактов и применимых принципов, относящихся к ст. 10 Конвенции, также

учитывали требования, предусмотренные постановлением Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27 июня 2013 г. № 21.

46. Власти Российской Федерации также отмечают, что ссылка в жалобе на правовую позицию, изложенную в заключении Федеральной службы по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций Российской Федерации (далее – Роскомнадзор) от 15 апреля 2015 г. «Демонстрация нацистской символики без целей пропаганды не должна практиковаться как нарушение закона о противодействии экстремизму», не может быть принята во внимание, поскольку данное заключение не является нормативным правовым актом, не носит характера официального разъяснения.

47. Роскомнадзор, в соответствии с Постановлением Правительства РФ от 16 марта 2009 г. № 228 осуществляет государственный контроль и надзор за соблюдением законодательства Российской Федерации в сфере средств массовой информации и массовых коммуникаций, телевизионного вещания и радиовещания и с целью реализации полномочий в установленной сфере ведения имеет право давать разъяснения по вопросам, отнесенными к компетенции службы. Однако он не наделен полномочиями по официальному толкованию нормативных правовых актов.

48. Исходя из изложенной Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций правовой позиции, опубликованной в сети Интернет 15 апреля 2015 г., орган государственной власти принял определенную трактовку положений Федерального закона № 114-ФЗ, а именно положений ст. 1, определяющей понятие экстремистской деятельности (экстремизм), и предусматривающей, что такую деятельность образует пропаганда и публичное демонстрирование нацистской атрибутики или символики либо атрибутики или символики, сходных с нацистской атрибутикой или символикой до степени смешения, либо публичное демонстрирование атрибутики или символики экстремистских организаций, для целей именно своей деятельности.

49. При этом ч. 1 ст. 20.3 КоАП РФ предусматривает административную ответственность не за экстремизм (в форме пропаганды и публичного

демонстрирования нацистской атрибутики или символики и проч.), а за пропаганду, либо за публичную демонстрацию нацистской атрибутики или символики и проч.

50. В данном случае действия заявителя не квалифицировались как экстремистская деятельность, в противном случае наличие в его действиях двух указанных компонентов в их взаимосвязи при определенных условиях позволило бы судить о наличии или отсутствии в его действиях признаков составов преступлений, посягающих на общественные отношения в области охраны основ конституционного строя и государственной безопасности.

51. Несмотря на совпадение содержательной составляющей указанных понятий, они относятся к различным областям правоприменительной практики, что не позволяет их смешивать.

52. Власти Российской Федерации также отмечают, что осуществляемые средствами массовой информации показы художественных и исторических фильмов, либо публикации изображений нацистской символики в научных и познавательных целях, не следует понимать как публичную демонстрацию в том смысле, который используется для определения её как признака состава административного правонарушения, предусмотренного ч.1 ст. 20.3 КоАП РФ, либо как признака экстремистской деятельности, если она осуществляется в целях пропаганды нацизма. Так же следует учитывать то, что деятельность СМИ, в ходе которой осуществляются показы и публикации о нацизме и его символах, связана с осуждением данного явления.

53. Что касается вопроса о дискrimинации частных лиц установлением для них запрета на публичное демонстрирование нацистской символики в условиях исключения его для деятельности средств массовой информации, следует принять во внимание то, что указанная деятельность регламентирована специальным законом – Законом РФ от 27 декабря 1991 г. № 2124-1 «О средствах массовой информации». Согласно указанному закону, средства массовой информации действуют в условиях строгого запрета на использование нацистской символики в целях совершения уголовно наказуемых деяний, в том числе для распространения материалов, содержащих публичные призывы к осуществлению террористической

деятельности или публично оправдывающих терроризм, других экстремистских материалов, а также с ограничениями, установленными Федеральным законом № 114-ФЗ, предусматривающим специальную ответственность для средств массовой информации в случаях допущения ими нарушения указанного запрета. Кроме того, КоАП РФ также предусматривает административную ответственность за нарушение законодательства о противодействии экстремизму.

54. При таких условиях, с учетом существенной разницы в правовых статусах средств массовой информации и частных лиц, несовпадении их прав и обязанностей в указанной сфере, установление для частных лиц запрета только на публичное демонстрирование нацистской символики, даже без признаков наличия в их действиях цели пропаганды нацизма, не может признаваться дискриминационным.

55. Относительно длящегося характера административного правонарушения, предусмотренного ч. 1 ст. 20.3 КоАП РФ, следует отметить следующее.

56. Из разъяснений, данных Верховным Судом Российской Федерации в абз. 3 п. 14 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 24 марта 2005 г. № 5 «О некоторых вопросах, возникающих у судов при применении Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях», следует, что при решении вопросов о том, относится правонарушение к длящимся или нет, необходимо исходить из того, что длящимся является такое административное правонарушение (действие или бездействие), которое выражается в длительном непрекращающемся невыполнении или ненадлежащем выполнении предусмотренных законом обязанностей.

57. Отличие длящегося правонарушения от составов иных административных правонарушений проявляется в его объективной стороне, которая, будучи полностью сформированной, продолжает существовать еще длительный период времени вплоть до окончания правонарушения - фактического (прекращение противоправного поведения) или юридического (определение периода времени совершения правонарушения в постановлении о привлечении к административной ответственности).

58. Так, Прикубанский районный суд г. Краснодара не согласился с доводами защитника Мандригеля А.Н. об истечении срока привлечения заявителя к административной ответственности, поскольку правонарушение является длящимся, в связи с чем согласно ч. 2 ст. 4.5 КоАП РФ его сроки исчисляются со дня обнаружения административного правонарушения.

59. По обстоятельствам дела в отношении Мандригеля А.Н. усматривается, что заявитель длительное время нарушал запрет, установленный национальным законодательством, на публичную демонстрацию нацистской символики, то есть он фактически не выполнял обязанности по соблюдению установленных национальным законодательством запретов. Противоправные действия по публичной демонстрации нацистской символики заявителем объективно окончены (спорные изображения удалены) после выявления их внутригосударственными властями. При этом не имеет правового значения для исчисления сроков давности привлечения заявителя к административной ответственности момент размещения заявителем изображений с запрещенным содержанием: спорные изображения длительное время находились в публичном доступе, заявитель в течение длительного времени не предпринимал мер по выполнению возложенных на него обязанностей по соблюдению этого запрета и не удалял изображения, действие по демонстрации изображения с запрещенным к публикации содержанием носило продолжающийся характер.

60. Следовательно, в данном случае привлечение заявителя к административной ответственности явилось адекватной мерой реагирования государства на действия заявителя в целях защиты прав и свобод других лиц. Административное наказание, примененное к заявителю, соответствовало национальному законодательству и преследовало одну из законных целей, перечисленных ст. 10 § 2 Конвенции.

*Правоприменительная практика российских судов по делам об административном правонарушении, предусмотренном ч. 1 ст. 20.3 КоАП РФ в редакции, действующей с 16 ноября 2014 г.*

61. Следует отметить, что практика российских судов по делам о публичном демонстрировании или пропаганде нацистской символики содержит примеры отказа в привлечении заявителей к административной ответственности по ч. 1 ст. 20.3 КоАП РФ.

62. Так, Псковским районным судом рассматривалось дело об административном правонарушении в отношении Е.А.С., согласно материалам которого он разместил в свободном доступе в сети Интернет графические материалы с нацистской символикой - изображение священника православной церкви с крестом, в окружении солдат в нацистской форме на фоне нацистской символики, публичное демонстрирование которой запрещено законом.

63. Допрошенный в качестве специалиста кандидат исторических наук Обозной К.П. пояснил, что на спорной фотографии изображен исторический факт передачи 22 марта 1942 г. Тихвинской иконы Божией Матери немецким командованием начальнику псковской православной духовной миссии протоиерею К. Зайцу. Икона попала в г. Псков в начале 1942 года, находилась в ведении отдела по охране культурно-художественных ценностей группы немецких армий «Север», передача происходила при большом скоплении народа, была запечатлена на видеопленку. Размещенная фотография, согласно показаниям специалиста, являлась стоп-кадром видеокартины.

64. Суд, сославшись на правовую позицию Верховного Суда Российской Федерации, выраженную им в постановлении от 10 января 2018 г. № 5-АД17-109, указал, что вывод о том, что демонстрация нацистских атрибутиki и символики не направлена на их пропаганду и, как следствие, об отсутствии состава административного правонарушения по ч. 1 ст. 20.3 КоАП РФ, можно сделать в том случае, если она совершена в иных целях, таких как научные исследования, художественное творчество, подготовка материалов, осуждающих нацизм либо излагающих историческое событие.

65. Прекращая производство по административному делу, Псковский районный суд отметил, что само по себе наличие на спорной фотографии нацистской символики (свастики на флаге Третьего Рейха) не свидетельствует о ее демонстрации, поскольку данный факт является историческим и неотъемлем от состоявшегося события.

66. Ч.И.В. разместил на своей персональной странице в социальной сети «ВКонтакте», а также в новостной группе «Полесск» графические изображения, которые по внешним признакам схожи с нацистской атрибутикой или символикой, что послужило основанием для возбуждения в его отношении дела об административном правонарушении, предусмотренном ч. 1 ст. 20.3 КоАП РФ.

67. Рассматривая данное дело, судья Полесского районного суда Калининградской области установил, что в материалах дела отсутствовали доказательства того, что опубликованные Ч.И.В. фотографии определяются как нацистская атрибутика и символика. Суд указал, что заключение эксперта от 13 января 2017 г., предметом исследования которого являлись спорные изображения, не может быть доказательством вины Ч.И.В., так как они относятся к иному событию административного правонарушения, которое не было вменено Ч.И.В. Отсюда, производство по делу об административном правонарушении было прекращено за отсутствием состава правонарушения.

68. В отношении К.Д.А. было возбуждено дело об административном правонарушении по ч. 1 ст. 20.3 КоАП РФ в связи с тем, что он разместил на заднем стекле своего автомобиля наклейку с изображением нацистской символики (свастики). В своем постановлении Ленинский районный суд г. Пензы отметил, что доказательствами вины К.Д.А. являлись протокол об административном правонарушении и заключение Прохоровой Е.А. по результатам сравнительной экспертизы спорного изображения.

69. При этом суд указал на несоответствие указанного заключения требованиям ч. 2 ст. 26.2 КоАП РФ, поскольку доказательства того, что Прохорова Е.А. обладает специальными познаниями в данной области и компетентна давать оценку наличия или отсутствия нацистской символики

на изображении, отсутствовали. Кроме того, в данном заключении не подвергался исследованию вопрос о том, может ли данное изображение расцениваться как пропаганда либо публичное демонстрирование.

70. Таким образом, производство по данному делу было прекращено на основании п. 2 ч. 1 ст. 24.5 КоАП РФ в связи с отсутствием состава административного правонарушения.

71. Кроме того, следует принять во внимание то, что Правительством Российской Федерации в целях исключения случаев привлечения к административной ответственности при публичном демонстрировании нацистской символики или атрибутики в произведениях науки, литературы, искусства, а также в просветительских, учебных и информационных целях, был разработан проект Федерального закона о внесении изменения в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях.

72. Так, в указанном проекте закона предлагается ввести в ст. 20.3 КоАП РФ примечание, согласно которому использование нацистской атрибутики или символики либо атрибутики или символики, сходных с нацистской атрибутикой или символикой до степени смешения, либо атрибутики или символики экстремистских организаций, либо иных атрибутики или символики, пропаганда либо публичное демонстрирование которых запрещены федеральными законами, допускается в произведениях науки, литературы, искусства, а также в просветительских, учебных и информационных целях при условии отсутствия признаков пропаганды и (или) оправдания любой экстремистской идеологии с одновременным осуждением нацизма.

73. Следовательно, учитывая широкий спектр ситуаций, подпадающих по действие ст. 20.3 КоАП РФ в настоящей редакции, законопроектом предлагается исключить административную ответственность для случаев использования нацистской символики или атрибутики в произведениях науки, литературы, искусства, а также в просветительских, учебных и информационных целях при условии отсутствия признаков пропаганды.

74. Похожее изменение административного законодательства было предложено членом Совета Федерации Беляковым А.В. (проект федерального закона № 390402-7 от 15 февраля 2018 г.), а также отражено в

проекте Федерального закона о внесении изменений в отдельные законодательные акты в части совершенствования правового регулирования противодействия экстремистской деятельности.

75. 20 марта 2018 г. было проведено предварительное рассмотрение законопроекта № 390402-7, по результатам которого проект был передан на рассмотрение Советом Государственной Думы Российской Федерации, был определен ответственный Комитет Государственной Думы по государственному строительству и законодательству, которым составлено соответствующее заключение.<sup>5</sup>

76. Рассмотрение законопроекта (№ 390352-7, также внесенного членом Совета Федерации Беляковым А.В.) о внесении изменений в Федеральный закон «Об увековечении Победы советского народа в Великой Отечественной войне 1941-1945 годов» и Федеральный закон «О противодействии экстремистской деятельности» находится на той же стадии.<sup>6</sup>

77. Таким образом, власти Российской Федерации полагают, что положения законодательства, на основании которых Мандригеля А.Н. был привлечен к административной ответственности, являются достаточно ясными и доступными. Учитывая инициированный процесс изменения административного законодательства, в том числе путем редактирования ст. 20.3 КоАП РФ, следует прийти к выводу о том, что указанная норма сформулирована с достаточной степенью точности, позволяющей гражданину сообразовывать с ней свое поведение.

*Вмешательство в право заявителя на свободу выражения мнения преследовало законную цель и было «необходимо в демократическом обществе»*

78. Европейский Суд в своих постановлениях неоднократно указывал, что свобода выражения мнения представляет собой одну из неотъемлемых основ демократического общества и одно из основных условий его прогресса и самореализации каждой личности. Согласно ст. 10 § 2

---

<sup>5</sup> sozd.parliament.gov.ru/bill/390402-7

<sup>6</sup> sozd.parliament.gov.ru/bill/390352-7

Конвенции это относится не только к «информации» и «идеям», которые благосклонно воспринимаются или рассматриваются как безобидные, или встречаются безразличием, но также и к тем, которые оскорбляют, шокируют или тревожат государство или какую-либо часть общества<sup>7</sup>. Таковыми являются требования плюрализма, терпимости и широты взглядов, без которых не может существовать «демократическое общество». Как указано в ст. 10 Конвенции, эта свобода допускает исключения, которые должны, однако, быть строго выдержаными, а потребность в этих ограничениях должна быть со всей убедительностью установлена.

79. При этом понятие «необходимо» по смыслу ст. 10 § 2 Конвенции подразумевает наличие «неотложной социальной потребности», а Договаривающиеся Стороны располагают определенной степенью усмотрения при оценке того, существует ли такая необходимость<sup>8</sup>.

80. С учетом положения ст. 10 Конвенции, Европейский Суд допускает, что в демократическом обществе может быть признано необходимым даже наказание, направленное на предупреждение любых форм выражения мнения, которые пропагандируют, распространяют, оправдывают ненависть или подстрекают к ненависти, основанной на нетерпимости (в том числе религиозной нетерпимости), при условии, что введенные «процедуры», «условия» или «санкции» будут соразмерны преследуемой цели.<sup>9</sup>

81. Европейский Суд по правам человека в решениях прямо указывает на то, что свастика опасна, если она используется в контексте действий нацистов, в то время как она неносит вреда, если используется как символ индуизма или буддизма.<sup>10</sup>

82. Суд в своих решениях также указывает на недопустимость такого использования свободы мысли, совести и религии, выражения мнения и свободы объединений, гарантированных ст.ст. 9, 10 и 11 Конвенции, которое позволяло бы какому-либо государству, какой-либо группе лиц или какому-либо лицу в нарушение ст. 17 Конвенции заниматься какой-либо деятельностью и совершать какие бы то ни было действия, направленные на упразднение прав и свобод, признанных Конвенцией, или на их ограничение

---

<sup>7</sup> *Prager and Oberschlick v. Austria*, no. 15974/90, judgment of 26 April 1995, § 38.

<sup>8</sup> *Stoll v. Switzerland*, no. 69698/01, judgment of 10 December 2007, § 101.

<sup>9</sup> *Erbakan v. Turkey*, no. 59405/00, judgment of 6 July 2006, § 56.

<sup>10</sup> *Faber v. Hungary*, no. 40721/08, judgment of 24 July 2012.

в большей мере, чем это предусматривается в Конвенции. В частности, к такой деятельности Суд отнес оправдание про-нацистской политики.<sup>11</sup>

83. Так, в постановлении по делу *Araudy v. France*<sup>12</sup> Европейский Суд указал на то, что право человека свободно выражать свое мнение имеет определенные ограничения: оправдание про-нацистской политики не может подпадать под действие гарантий ст. 10 Конвенции, равно как и отрицание или пересмотр четко установленных исторических фактов, таких как, например, Холокост – массовое уничтожение евреев фашистами.

84. Соответственно, под защитой Конвенции не находится деятельность, имеющая своей целью упразднение прав и свобод, закрепленных в Конвенции; как следствие, никому не может быть позволено ссылаться на положения Конвенции для умаления или упразднения идеалов и ценностей демократического общества.<sup>13</sup>

85. В деле *Nix v. Germany*<sup>14</sup> заявитель жаловался на предполагаемое нарушение его права на свободу выражения мнения в связи с его привлечением к уголовной ответственности по ст. 86а § 1 № 1 и ст. 86 § 2 Уголовного кодекса Германии в результате того, что он опубликовал в своем блоге пост с критикой действий офиса по трудоустройству, включающий изображение Генриха Гиммлера, рейхсфюрера СС, в форме СС со значком нацистской партии (со свастикой) на его переднем кармане, а также с повязкой, содержащей свастику. Суд назначил заявителю наказание в виде 5 месяцев лишения свободы, по совокупности наказаний: 4 месяца лишения свободы – за использование символов неконституционных организаций и 70-дневный штраф по 50 евро – за клевету. Впоследствии наказание было уменьшено.

86. Привлекая заявителя к уголовной ответственности, Мюнхенский районный суд не установил факта отрицания заявителем нацизма и пришел к выводу о том, что заявитель использовал спорное изображение Генриха Гиммлера как способ привлечения внимания к посту, что являлось

<sup>11</sup> *Delfi AS v. Estonia*, no. 64569/09, judgment of 16 June 2015, § 136.

<sup>12</sup> *Araudy v. France*, no. 65831/01, decision of 24 June 2003.

<sup>13</sup> *Refah partisi (Welfare party) and Others v. Turkey*, nos. 41340/98, 41342/98, 41343/98 and 41344/98, judgment of 13 February 2003; *Leyla Şahin v. Turkey*, no. 44774/98, judgment of 10 November 2005; *Kasymakhunov and Saybatalov v. Russia*, nos. 26261/05 and 26377/06, judgment of 14 March 2013.

<sup>14</sup> *Nix v. Germany*, no. 35285/16, decision of 13 March 2018.

обстоятельством, которое статья, запрещающая использование символов неконституционных организаций, имела целью предупредить.<sup>15</sup>

87. В своей апелляционной жалобе заявитель, в частности, ссыпался на то, что нацистские символы широко использовались немецкими СМИ отстраненно, вне контекста нацистской идеологии. В связи с чем, заявитель считал признание его виновным в совершении уголовного правонарушения за публикацию изображения Генриха Гиммлера в форме СС со свастикой необоснованным, полагая также, что данное изображение должно быть рассмотрено как часть поста, с учетом обстоятельств его публикации.

88. Мюнхенский апелляционный суд отметил, что ответственность по ст. 86а § 1 Уголовного кодекса Германии не наступает в случае, если из обстоятельств дела очевидно, что лицо, опубликовавшее спорное изображение, не придерживается нацистской идеологии. По мнению апелляционного суда, указанное исключение не может быть применено в деле заявителя. Следовательно, суд оставил решение Мюнхинского районного суда от 7 января 2015 г. без изменения в части, касающейся обвинения заявителя в использовании символов неконституционных организаций, и отменил решение суда в части его привлечения к ответственности за клевету.

89. В решении по делу *Nix v. Germany* указано, что ст. 86а Уголовного кодекса Германии направлена на то, чтобы предотвратить использование символов запрещенных анти-конституционных организаций – вне зависимости от целей такого использования – и их очередное широкое распространение, которое может привести к тому, что цель запрета таких символов в политической жизни Германии не сможет быть достигнута, приводя к ситуации, когда использование данных символов в политических целях, для которых они были созданы, станет безопасным.<sup>16</sup>

---

<sup>15</sup> The applicant had used the picture as an eye-catching device, which was exactly what the provision sanctioning the use of symbols of unconstitutional organisations was intended to prevent, as it was meant to pre-empt anyone becoming used to certain symbols by banning them from all means of communication, *Ibid.* § 17.

<sup>16</sup> Article 86a of the Criminal Code furthermore seeks to prevent the use of the symbols of prohibited anti-constitutional organisations – irrespective of the intentions of such use – becoming common again so that the objective of banning such symbols from German political life is not achieved, resulting in a situation in which those in favour of the political goals for which those symbols stand could use such symbols without danger, *Ibid.* § 30.

90. При этом использование символа неконституционной организации не подпадает под действие указанной статьи в случае, если из публикации/использования символа сразу, очевидно и ясно следует несогласие и/или противодействие неконституционной организации и ее идеологии.

91. Оценивая вмешательство в право заявителя, гарантированное ст. 10 Конвенции, Европейский Суд подчеркнул, что цели ст. 86а Уголовного кодекса Германии – предупредить возникновение запрещенных организаций или неконституционных идей, распространяемых ими; сохранить политический мир и запретить символы таких организаций в политической жизни Германии – являлись законными целями предупреждения беспорядков по смыслу Конвенции.

92. Суд указал, что в свете своей исторической роли и опыта, Государства, испытавшие ужасы нацизма, могут рассматриваться как имеющие специальную моральную ответственность отстраниться от массовых бесчинств и жестоких преступлений, совершенных нацистами. Суд посчитал, что выбор законотворческого органа криминализировать использование нацистских символов (также принимая во внимание их восприятие иностранными наблюдателями), запретить их использование в политической жизни Германии, а также сохранить политический мир и предупредить возрождение нацизма следует оценивать в данном контексте.

93. Суд учел, что ст. 86 § 3 Уголовного кодекса Германии не предусматривает уголовной ответственности за использование символов неконституционных организаций в целях гражданского образования, борьбы с антиконституционными движениями, поддержки искусства или науки, научных исследований или преподавательской деятельности, информирования о происходящих и исторических событиях, или в иных схожих целях. Кроме того, немецкие суды сузили действие ст. 86а и исключили использование символов запрещенных организаций, из которого явно и очевидно следует несогласие с идеологией данных организаций, если это не противоречит цели данной статьи, для того, чтобы в достаточной степени соблюсти свободу слова при борьбе с возрождением идей нацизма. Поскольку одного критического использования спорных символов не

достаточно для применения исключения из уголовной ответственности по немецкому праву, в свете одной из целей статьи (полный запрет символов неконституционных организаций в политической жизни Германии), Европейский Суд посчитал, что исключение из уголовной ответственности в случаях, когда несогласие и противодействие идеологии, отражаемой данными символами, является четким и ясным, является важной гарантией права на свободу выражения мнения.<sup>17</sup>

94. По мнению Суда, заявитель должен был знать национальное законодательство и судебную практику, касающиеся данного вопроса, как минимум, потому что он уже привлекался к уголовной ответственности за совершение аналогичного преступления в результате публикации изображения Ангелы Меркель в нацистской форме со свастикой на наручной повязке и с нарисованными усами как у Адольфа Гитлера.

95. При этом Суд учел то, что, опубликовывая изображение Генриха Гиммлера в форме СС с повязкой, на которой изображена свастика, заявитель не преследовал цели распространения пропаганды тоталитаризма; не призывал к насилию; не выступал с речью, возбуждающей или содержащей ненависть. Суд, отметив, что действия заявителя не привели к угрозам и устрашению, признал, что посредством своих постов в блоге мог иметь намерение внести свой вклад в обсуждение, представляющее общественный интерес.

96. По мнению Европейского Суда, такое беспричинное использование символов неконституционных организаций являлось именно тем поведением, которое должна предупреждать ст. 86а Уголовного кодекса Германии, так как ее действие направлено на запрет использования такой символики во всех средствах коммуникации с целью сокращения числа лиц, привыкших к ее использованию.

97. Оценив все обстоятельства дела *Nix v. Germany*, Суд не нашел оснований для отступления от позиции немецких судов, согласно которой

---

<sup>17</sup> While the critical use of the respective symbols does not suffice to give rise to the possibility of exemption from criminal liability under domestic law, in line with one of the provision's purposes (that of banning the respective symbols from German political life altogether), the Court considers that exemption from criminal liability where opposition to the ideology embodied by the used symbols is "obvious and clear" constitutes an important safeguard for the right to freedom of expression, *Ibid.* § 48.

заявитель не выразил ясного и очевидного отказа от нацистской идеологии в своем посте. Кроме того, Судом было принято во внимание то, что наказание, изначально назначенное заявителю, было впоследствии снижено.

98. Повторив, что исторический опыт Германии является существенным фактором при определении наличия насущной социальной необходимости вмешательства в право заявителя на свободу выражения мнения, относительно использования такой символики как в рассматриваемом деле, Суд, в свете всех обстоятельств дела заключил, что немецкие власти привели соответствующие и достаточные основания для такого вмешательства и не вышли за рамки свободы усмотрения.

99. Следовательно, Европейский Суд пришел к выводу о том, что вмешательство в право заявителя было пропорциональным преследуемой законной цели и необходимо в демократическом обществе, и признал отсутствие нарушения ст. 10 Конвенции в данном деле.

100. Как было указано выше, в Российской Федерации запрещено использование нацистской символики в любой форме, включая ее демонстрирование как оскорбляющей многонациональный народ и память о понесенных в Великой Отечественной войне жертвах.

101. Согласно правовой позиции Конституционного Суда Российской Федерации, указанной в определении от 23 октября 2014 г. № 2480-0, само по себе использование нацистской атрибутики (символики), равно как и атрибутики (символики), сходной с нацистской атрибутикой (символикой) до степени смешения, - безотносительно к ее генезису - может причинить страдания людям, чьи родственники погибли во время Великой Отечественной войны, что также предполагает право законодателя принимать меры в соответствии с ч. 3 ст. 55 Конституции Российской Федерации.

102. Запрет на использование нацистской символики в любой форме представляет собой меру, направленную на противодействие нацизму, экстремизму, фашизму и другим действиям, оскорбляющим память о жертвах, понесенных в Великой Отечественной войне, и ассоциирующимся с идеологией, запрещенной в силу ч. 5 ст. 13 Конституции Российской Федерации.

103. Указанные законоположения направлены на обеспечение межнационального мира и согласия, гармонизацию межнациональных (межэтнических) отношений, защиту прав и свобод других лиц, как неоднократно отмечал Конституционный Суд Российской Федерации (определения Конституционного Суда Российской Федерации от 23 октября 2014 г. № 2480-0, от 17 февраля 2015 года № 245-0).

104. В рассматриваемом деле Мандригеля А.Н. опубликовал в сети Интернет фотоколлаж с изображением Президента Российской Федерации Путина В.В. на фоне нацистской свастики. При этом заявитель в своей жалобе в Европейский Суд отметил сходство спорного изображения с историческими фото выступления Адольфа Гитлера и подчеркнул, что данная публикация преследовала цель критики политики современной России, выражения несогласия, поскольку в настоящее время, по мнению заявителя, в России сформировался авторитарный режим «близкий к нацистскому».

105. Таким образом, заявитель фактически представляет политическую ситуацию в Российской Федерации идентичной нацистской Германии времен Великой отечественной войны. По мнению властей Российской Федерации, данное поведение заявителя, безусловно, является оскорбительным для широкого круга лиц в свете памяти жертв Второй мировой войны.

106. В данном контексте следует учесть то, что в восприятии и сознании миллионов людей Российской Федерации, также как и стран СНГ, пользователи которых имеют доступ к сайту, зафиксировалась устойчивая связь свастического знака креста с идеологией национал-социализма и интервенции фашистской Германии, направленной на порабощение других народов, причинение им страданий, и ассоциирующейся с пытками и уничтожением людей иных национальностей, причиненными населению России страданиями.

107. Как и ст. 86а Уголовного кодекса Германии, ст. 20.3 КоАП РФ направлена на предотвращение использования нацистской атрибутики и символики, а также на предупреждение распространения нацистских идей,

что должно рассматриваться как сохранение политического мира в стране и обеспечение общественного порядка.

108. В данной связи необходимо учитывать то, что российскими судами были выработаны некоторые исключения, при которых деяние, предусмотренное ст. 20.3 КоАП РФ<sup>18</sup> не повлечет административной ответственности.

109. Так, в отношении К.И.В. было возбуждено дело об административном правонарушении, предусмотренном ч. 1 ст. 20.3 КоАП РФ, в связи с тем, что он опубликовал в сети Интернет на своей странице в социальной сети «ВКонтакте» фотографии с изображением нацистской символики, а именно: плакаты Окна ТАСС.

110. Принимая решение о прекращении производства по делу, Дмитровградский городской суд Ульяновской области отметил, что агитационные плакаты выпускались телеграфным агентством Советского Союза (ТАСС) в годы Великой Отечественной войны 1941-1945 годов. Рисунки и тексты данных плакатов призывали к победе над врагом, прославляли подвиги советских людей, напоминали о героическом прошлом народов СССР, клеймили немецко-фашистских захватчиков.

111. По мнению суда, не образует состава административного правонарушения, предусмотренного ст. 20.3 КоАП РФ, случаи демонстрирования нацистской атрибутики и символики в художественных и научных публикациях, фильмах и других материалах, осуждающих нацизм либо излагающих исторические события.

112. Поскольку опубликованные К.И.В. плакаты по сути представляют собой художественные материалы, которые прославляют подвиги советских солдат, напоминают о героическом прошлом советского народа, суд пришел к выводу об отсутствии состава административного правонарушения в действиях К.И.В.

113. В постановлении судьи Еманжелинского городского суда Челябинской области также было установлено, что А.О.Н. разместила в сети «Интернет» изображение артиста кино Станислава Любшина в форме офицера военизированного формирования НСДАП, который сыграл в

---

<sup>18</sup> В редакции, действующей с 16 ноября 2014 г.

художественном фильме «Щит и Меч» роль положительного героя – Советского разведчика в тылу врага. При этом никакой смысловой информации о пропаганде или демонстрации А.О.Н. нацистской атрибутики или символики данная фотография не несла и материалами дела не подтверждалась. Кроме того, в протоколе об административном правонарушении не указывалось, что именно из нацистской атрибутики или символики публично демонстрировала А.О.Н. Следовательно, суд прекратил производство по делу в связи с отсутствием состава административного правонарушения.

114. Таким образом, власти Российской Федерации полагают, что в рассматриваемом деле должна применяться позиция Суда, изложенная в деле *Nix v. Germany*. Однако необходимо обратить внимание Европейского Суда на то, что в отличие от дела *Nix v. Germany* в деле *Мандригеля против России* заявитель был привлечен не к уголовной, а к административной ответственности. При этом срок административного ареста, назначенного Мандригеля А.Н., не являлся максимальным и был назначен в пределах санкции ч. 1 ст. 20.3 КОАП РФ.

115. Исходя из изложенного, власти Российской Федерации полагают, что нарушения прав заявителя, гарантированного ст. 10 Конвенции, допущено не было.

***Право Мандригеля А.Н., гарантированное ст. 6 §§ 1 и 3 Конвенции, не было нарушено в настоящем деле***

116. Довод заявителя о несправедливом судебном разбирательстве по делу об административном правонарушении ввиду того, что при рассмотрении дела о привлечении его к административной ответственности он был лишен возможности воспользоваться своим правом на юридическую помощь по своему выбору, является несостоятельным.

117. В соответствии со ст. 48 Конституции Российской Федерации каждому гарантируется право на получение квалифицированной юридической помощи. В случаях, предусмотренных законом, юридическая помощь оказывается бесплатно. Также каждый задержанный, заключенный

под стражу, обвиняемый в совершении преступления имеет право пользоваться помощью адвоката (защитника) с момента соответственно задержания, заключения под стражу или предъявления обвинения.

118. Как следует из протокола судебного заседания от 15 марта 2017 г. позиция защитника, привлеченного к участию в деле Мандригеля А.Н., совпадала с позицией заявителя и его адвоката Беньяша М.М., написавшего апелляционную жалобу.

119. Из протокола судебного заседания также следует, что адвокату Барышевой И.Е. было предоставлено достаточно времени для ознакомления с материалами дела об административном правонарушении в отношении Мандригеля А.Н., для чего объявлялся перерыв.

120. В материалы дела был представлен ордер от 15 марта 2017 г. за № 759351, из которого следует, что Барышева И.Е. является адвокатом Центральной коллегии адвокатов Краснодарского края.

121. Следовательно, Мандригеля А.Н. был обеспечен квалифицированной юридической помощью, которую в суде второй инстанции на профессиональной основе ему оказывал адвокат Барышева И.Е., полномочия которой в суде были подтверждены представленным в дело ордером Центральной коллегии адвокатов Краснодарского края. Таким образом, право на судебную защиту заявителя нарушено не было.

122. Замена представителя Мандригеля А.Н. на защитника, назначенного судом, на положение заявителя при рассмотрении в отношении него дела об административном правонарушении не повлияла.

123. Доводы заявителя и обоснования о несогласии с вынесенным судьей первой инстанции постановлением были изложены в апелляционной жалобе адвокатом Беньяшом М.М. Эти доводы были предметом судебного исследования и оценки вышестоящей судебной инстанцией.

124. Кроме того, позиция заявителя и его представителя поддерживалась в ходе судебного разбирательства защитником, назначенным судом, который также настаивал на отмене судебного постановления и прекращении производства по делу об административном правонарушении в отношении Мандригеля А.Н.

125. Мандригеля А.Н. выбрал способ своей защиты, поручив составление жалобы и представление его интересов в суде защитнику - адвокату Беньяшу М.М., который действовал на основании представленного в дело ордера № 273145 от 9 марта 2017 г. Жалоба на судебное постановление подписана адвокатом Беньяшом М.М.

126. 14 марта 2017 г. Мандригеля А.Н. был лично под роспись ознакомлен с определением о назначении судебного заседания в апелляционной инстанции краевого суда на 15 марта 2017 г. в 11 часов 30 минут.

127. Адвокат Беньяш М.М. телефонограммой по номеру телефона, указанному в расписке, 14 марта 2017 г. в 14 часов 53 минуты был извещен лично о рассмотрении апелляционной жалобы на постановление Прикубанского районного суда г. Краснодара от 9 марта 2017 г., назначенном в Краснодарском краевом суде 15 марта 2017 г. в 11 часов 30 минут.

128. Также в спецприемник для административно-арестованных № 1 УВД по Краснодарскому краю по факсу было направлено уведомление о рассмотрении апелляционной жалобы адвоката Беньяша М.М., назначенного на 15 марта 2017 г. на 11 часов 30 минут, которое было получено.

129. Согласно протоколу судебного заседания от 15 марта 2017 г. Мандригеля А.Н. и его адвокат Беньяш М.М. в судебное заседание не явились. С учетом имеющихся в материалах дела доказательств надлежащего извещения участников процесса о месте и времени судебного разбирательства, суд определил рассмотреть жалобу в отсутствие не явившихся лиц.

130. В целях соблюдения конституционных прав Мандригеля А.Н. к участию в деле был привлечен адвокат Барышева И.Е. В судебном заседании был объявлен перерыв для ознакомления назначенного адвоката с материалами административного дела.

131. В судебном заседании адвокат Барышева И.Е. поддержала доводы жалобы адвоката Беньяша М.М. и просила постановление Прикубанского районного суда г. Краснодара от 9 марта 2017 г. отменить, производство по делу прекратить.

132. Как следует из дела, никаких ходатайств об отложении судебного разбирательства либо доказательств уважительных причин неявки в судебное заседание адвокат Беньяш М.М. суду апелляционной инстанции не представил.

133. Представляя интересы Мандигреля А.Н., его защитник Беньяш М.М., будучи надлежащим образом уведомленным о времени и месте судебного разбирательства в Краснодарском краевом суде, назначенном на 15 марта 2017 г., в судебное заседание не явился, о причинах неявки краевой суд в известность не поставил, никаких ходатайств суду не заявил, об отложении судебного разбирательства не просил.

134. При таких обстоятельствах, а также с учетом имеющихся в материалах дела доказательств надлежащего извещения участников процесса о времени и месте судебного разбирательства, судья пришел к выводу рассмотреть дело в отсутствие неявившихся лиц.

135. Следовательно, процессуальные права Мандригеля А.Н. на юридическую помощь по своему выбору и представление своих интересов в суде в настоящем деле нарушены не были.

***Доводы об отсутствии в настоящем деле нарушения ст. 2 Протокола № 7 к Конвенции***

136. В соответствии со ст. 2 Протокола № 7 к Конвенции каждый осужденный за совершение уголовного преступления имеет право на то, чтобы вынесенный в отношении него приговор или определенное ему наказание были пересмотрены вышестоящей судебной инстанцией. Осуществление этого права, включая основания, на которых оно может быть осуществлено, регулируется законом.

137. В своей прецедентной практике Европейский Суд установил, что данное положение преследует цель обеспечить возможность исправить любые недостатки судебного решения или приговора. Соответственно, нарушение Конвенции будет иметь место тогда, когда апелляция перестает быть эффективной.<sup>19</sup>

---

<sup>19</sup> See, *mutatis mutandis*, *Hewitson v. the United Kingdom* (dec.), no.50015/99, 22 October 2002.

138. Кроме того, как отметил Европейский Суд, Договаривающиеся государства в принципе могут использовать широкую свободу усмотрения в определении того, как право, закрепленное в статье 2 Протокола № 7 к Конвенции, должно осуществляться. Данное положение в основном регулирует организационные вопросы, такие, как доступность апелляционного суда или объем рассмотрения в апелляционном порядке.<sup>20</sup>

139. Согласно КоАП РФ административный арест, как наиболее строгое административное наказание, устанавливается и назначается лишь в исключительных случаях за отдельные виды административных правонарушений и может быть назначен только судьей (ч.ч. 1 и 2 ст. 3.9 КоАП РФ). При этом в отличие от общего правила, установленного в ч. 2 ст. 31.2 КоАП РФ, согласно которому постановление по делу об административном правонарушении подлежит исполнению с момента его вступления в законную силу – для постановлений судьи этот момент наступает после истечения срока обжалования, если постановление не было обжаловано или оспорено, либо в момент вынесения решения по жалобе, протесту на постановление, за исключением случаев, если решением отменяется вынесенное постановление (ст.ст. 30.2 – 30.9, п.п. 1 и 3 ст. 31.1 КоАП РФ), – постановление судьи об административном аресте исполняется органами внутренних дел немедленно после вынесения такого постановления (ч. 1 ст. 32.8 КоАП РФ).

140. Исполнение постановления об административном аресте может быть приостановлено на срок до семи суток или прекращено судьей на основании письменного заявления лица, подвергнутого административному аресту, в случае возникновения исключительных личных обстоятельств (тяжелого заболевания (состояния здоровья), смерти близкого родственника или близкого лица либо чрезвычайной ситуации, причинившей значительный материальный ущерб лицу, подвергнутому административному аресту, или его семье), а также на основании медицинского заключения о наличии у лица, подвергнутого административному аресту, заболевания, травмы или увечья, препятствующих отбыванию административного ареста (ч. 5 ст. 32.8 КоАП РФ).

---

<sup>20</sup> *Pesti and Frodl v. Austria*, nos. 27618/95 and № 27619/95, decision of 18 January 2002.

141. Материалы дела таких данных и ходатайств от заявителя или его представителя не содержат.

142. Конституционный Суд Российской Федерации в Определении от 19 ноября 2015 г. № 2732-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Светлова Кирилла Валентиновича на нарушение его конституционных прав ч. 1 ст. 32.8 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях» отметил следующее.

143. Закрепляя особый порядок исполнения постановления об административном аресте, КоАП РФ в ч. 1 ст. 29.11, ч. 2 ст. 30.7 и ч. 3 ст. 30.5 предусматривает гарантии судебной защиты прав лица, подвергнутого административному аресту: мотивированное постановление об административном аресте объявляется немедленно по окончании рассмотрения дела; жалоба на данное постановление направляется в вышестоящий суд и подлежит рассмотрению в течение суток с момента ее подачи, если лицо отбывает административный арест; срок административного задержания включается в срок административного ареста.

144. Таким образом, правило о немедленном исполнении постановления об административном аресте уравновешено наличием гарантий скорейшего рассмотрения жалобы лица, подвергнутого этому наказанию.

145. В настоящем деле апелляционная жалоба на постановление Прикубанского районного суда г. Краснодара от 9 марта 2017 г. о назначении Мандригеля А.Н. наказания в виде административного ареста сроком на 10 суток поступила в суд 10 марта 2017 г., и была в кратчайшие сроки (15 марта 2017 г.) рассмотрена судьей Краснодарского краевого суда, когда административное наказание в виде административного ареста сроком на 10 суток еще не было исполнено.

146. Таким образом, власти Российской Федерации полагают, что ст. 2 Протокола № 7 к Конвенции неприменима в настоящем деле, поскольку заявителем в полной мере было реализовано право на обжалование постановления судьи Прикубанского районного суда г. Краснодара от 9 марта 2017 г.

147. Кроме того, каких-либо документов, свидетельствующих о том, что заявитель не имел возможности непосредственно после объявления мотивированного постановления об административном аресте подать на это постановление жалобу, которая рассматривается в ускоренном порядке, им не представлено.

#### **IV. Заключение**

На основании изложенного власти Российской Федерации

ПОЛАГАЮТ:

жалоба Мандригеля А.Н. на предполагаемое нарушение его прав, гарантированных ст. 6 §§ 1 и 3, ст. 10 Конвенции и ст. 2 Протокола № 7 к Конвенции, является явно необоснованной по смыслу ст. 35 § 3 (а) Конвенции.

ПРОСЯТ:

отклонить жалобу Мандригеля А.Н. на предполагаемое нарушение его прав, гарантированных ст. 6 §§ 1 и 3, ст. 10 Конвенции и ст. 2 Протокола № 7 к Конвенции, в соответствии со ст. 35 §§ 1, 3 (а) и 4 Конвенции.

Приложение: на 461.

М.Л. Гальперин